

Вера Лаврина
ОТ СИНАЯ ДО ГАЛИЛЕИ

Накануне отлета в Шарм эль Шейх мы с дочерью уже вполне чувствовали себя камикадзе. Наша подготовка к поездке сопровождается такими событиями, что она больше становилась похожа на экстремальный туризм, чем на курортный отдых. Сначала в Красном море снова активизировались акулы, закусали туристов. Море закрыли. Мы, скрепя зубами, это пережили. Вроде бы пляж нашего отеля худо-бедно огорожен, но скорее худо и бедно, так как туристы в интернете жаловались, что глубина воды едва достигает до колен. Кроме того, мы собирались много ездить на автобусах. Про египетское дорожное движение я тоже наслушалась: ни пешеходных переходов, ни светофоров там нет. Потом случился теракт в Александрии на Новый год. Потом моя подруга позвонила мне из Москвы.

– В Египет?! Вы что!? Там женщин воруют.

– А зачем? – наивно спросила я.

– Для интеллектуального общения, – ехидная.

– Да я уже не интересна для такого общения, – понадеявшись на комплимент, промямлила.

– Ну, ты-то – да (вот, язва!), а за Катей смотри. Не ходите там нигде! – получила она. – Есть даже карты, где обозначены «черные кварталы» – очень опасные для женщин!

Я пообещала не соваться в опасные места. Хотя для меня в тот момент уже весь Египет представлялся одним опасным местом.

Затем случился этот жуткий теракт в Домодедово. И наконец, последнее. Вечером накануне вылета я понесла в ремонт босоножки. В тридцатиградусный мороз.

– В отпуск? – догадался сапожник.

– Да.

– В Египет? – прозорливец.

Кивнула.

– Так ведь там Хосни Мубарака свергают, протесты.

Я оторопела. Может, он с Тунисом спутал, потому что Хосни Мубарак тогда для меня был просто мелькающим иногда в новостях именем, а какой страной он управлял, я не помнила.

– Это же в Тунисе беспорядки, – сказала я

– Сегодня и в Египте началось.

Я не поверила сначала – путает что-то. Но сапожник оказался политически подкованным, ничего не перепутал. Вечером 26 января, накануне нашего отлета, египтяне взбунтовались.

– Куда вы едите! Куда вы едите! – страдальчески морщился муж. – Может, сдадите уже эти путевки.

– Деньги нам теперь не вернут, поэтому поедем.

Ну, путешествуют же люди всю жизнь по белу свету и ничего не боятся, ни штормов, ни бунтов, ни туземцев и ничего с ними не случается. Еще и детей за собой таскают повсюду. И я решила не бояться.

И полетели мы в мятежный Египет.

Рано утром муж привез нас в Кемеровский аэропорт, международный терминал был полон. Соседка по очереди на регистрацию сказала нам, что билеты на этот рейс закончились за неделю до вылета. И акул никто не испугался.

Катя с интересом рассматривала будущих попутчиков:

– Они не какие не богатые, обыкновенно одетые люди, – с удовлетворением отметила она.

– Ну, ты же за год накопила нужную сумму. И люди так же.

Хотя некоторые люди – не чета нам – по два-три раза в год летают в теплые страны. Но все-таки, любой работающий молодой человек, если очень хочет, может теперь без особых усилий накопить 20-25 тысяч и слетать в экзотические страны. Можно и в кредит.

Это мы по неопытности дорого заплатили за путевки, потому что нам нужно было вписаться в нужное время и именно в Египет – оттуда мы планировали поехать в Израиль. Мы взяли путевки за месяц. Так не надо делать. Уже в Шарме, познакомившись с отдыхающими, мы узнали от них, что за 3-4 дня до вылета путевки вдвое падают в цене. Но, правда тогда вы рискуете не получить место в самолете на чартерный рейс, и нужно будет вылетать из других городов, где эти места на чартерных рейсах остались или лететь в те страны, в которые не собирались поначалу лететь или лететь на регулярных линиях – а это уже совсем другие деньги. Как нам сказал владелец одной турфирмы из Перми, отели проплачиваются за полгода вперед, и потом начинается игра на сроках.

Долго-долго, до самого Черного моря, внизу тянулись заснеженные поля, и даже в Турции горные склоны были покрыты снегом. В Анталье, куда самолет приземлился для дозаправки, было еще холодно – плюс 15 градусов. Потом долго синело Средиземное море и, наконец, показались пески и горы Синая. Удачное приземление пассажиры приветствовали дружными аплодисментами.

– В Шарм эль Шейхе хорошая погода – плюс 24 градуса, – радостно сообщил нам командир самолета.

И вот мы увидели пальмы, охристо-коричневые горы и пески, ослепительно белеющие линии отелей. Перенестись за несколько часов из лютой сибирской зимы в нежно ласкающее лето! Это дорогого стоит и в буквальном, и переносном смысле.

На каждом участке пути от трапа до автобуса нас встречали сотрудники нашей турфирмы «Pegas touristik», которые передавали своих клиентов от этапа к этапу. В автобус нас посадила и сопровождала до отелей симпатичная Аида. Она давала первые наставления: перевести часы на каирское время, хранить деньги и ценные вещи в сейфе, покупать экскурсии только у солидных турфирм, типа «Pegas touristik» и парочки других. Автобус подкатил к

небольшому павильону, окруженному открытой галереей и украшенному деревянной резьбой в восточном стиле. К нему вела лестница, обсаженная цветами и кустарниками, у входа высоко реяли флаги Египта, России, Турции и «Pegas touristik».

– Оставляйте сумки у входа, носильщики доставят их в номер, – распорядилась Аида.

– Нет, – заупрямилась Катя, – их украдут.

– Не бойтесь. Кому нужны ваши кремы и топики, – сказала Аида.

– Катя, привыкай к хорошему, здесь тебе не вокзал, – убеждала я Катю.

Администратор выдал нам электронную карту-ключ от нашего номера, надел на запястья красные пластиковые браслеты – и мы поступили в юрисдикцию четырехзвездочного отеля «Dessole nesco waves». Из этих слов в англо-русском словаре я нашла только одно «waves» – волны. Весь оставшийся и следующий день мы бродили по территории отеля, знакомились с его распорядком, купались, загорали. Собираясь в Египет, я с иронией думала: «Ну-ну, отведаю туристического fast food`а». Там моя ирония мгновенно испарилась, и я испытала культурный шок – на самом деле была потрясена тем, на каком высочайшем уровне работает сейчас мировой туристический и курортный бизнес. Я была в четырехзвездочных отелях в Европе. Да, они хороши. Но здесь было что-то особенное. Курортные гостиницы – это не отели в привычном понимании: большое здание с номерами – это небольшой городок вернее, система городков. Каждый из них имеет свой стиль оформления, бассейны, пляжи, сувенирные лавки, рестораны, бары, клубы. Ресепшен – не стойка в холле, а отдельный павильон, оформленный с изысканным вкусом. Кроме стойки администратора, там стойка вызова такси, круглосуточно работающий бар, где предлагают напитки: пиво, коктейли, чай, кофе (конечно, бесплатно по системе «все включено», о ней я еще скажу). Стоят кресла и столики. Здесь сидят отельные гиды – наши, как нам сказали, ангелы-хранители. Они нас консультируют, продают экскурсионные туры, разрешают возникшие проблемы. В оформлении этого павильона-ресепшена, который является одновременно и «входными воротами» и своеобразной визитной карточкой отеля всегда присутствует какая-нибудь фишка – особенная дизайнерская идея. В нашем павильоне это была восьмиконечная звезда, которая повторялась в форме столиков, резных проемов. Под куполом висела огромная под золото резная люстра, естественно, в восточном стиле. Павильон-ресепшен соседнего «сестринского» отеля Dessole nesco joys – туда мы имели полный доступ – был сделан в виде большого бедуинского шатра, который в центре подпирает огромный десятиметровый, столб, обернутый гобеленами. Через неплотную ткань шатра лился рассеянный солнечный свет, окрашивая все пространство в теплые розово-оранжевые тона.

Небольшой микроавтобус курсирует между берегом моря, ресепшеном и отелем Dessole nesco joys. Носильщики погрузили багаж в автобус и повезли нас к вилле:

– Хороши номер. Морэ, морэ, – радушно говорил молодой портье. – Хошина, – он указал на свой бейджик – так его звали.

Наша вилла на четыре номера, действительно, стояла на первой береговой линии у моря. Из окна открывался морской вид.

Стиль и оформление нашего отеля были выше всяких похвал: он представлял собой сказочный городок в восточном стиле, спускающийся к морю по крутому склону. Склон безукоризненно обыгран ландшафтными дизайнерами. Они превратили его в систему высоких террас, на которых стоят белоснежные виллы с плоскими крышами, полусферическими куполами, порталами с тройной аркой – небольшие магрибские дворцы. Вертикально стесанные склоны превратили в отвесные стены то облицованные плоскими камнями, то глинобитные, то рельефные. С них спускаются ветви, густо усыпанные лиловыми, желтыми, белыми цветами – сказочные висячие сады Семирамиды. Это общий образ. При этом каждый уголок был любовно обустроен и украшен. Один под аргентинскую пампу с кактусами, агавами и безлиственными деревьями, другой в виде партера с зелеными газонами, цветущими клумбами, дорожками, низко подстриженными кустарниками. На пляже идеальный белый мелкий, как мука, песок, специально завезенный сюда. Каждым деревом можно любоваться. Они подстрижены то в виде трапеции, то в виде диска, то какими-то ярусами. Неподстриженные цветут крупными солнечно-желтыми соцветьями. Некоторые пальмы украшены юбочками в виде цветущих кустарников и увиты гирляндами, которые вечером зажигаются веселым узором. Возле каждого дерева хотелось фотографироваться, что мы поначалу и делали. Под пальмами после наступления темноты включается подсветка. Все кабели и водопроводные шланги упрятаны под землю, можно заметить только невысокие трубочки полива. Сколько нужно было труда, усилий и терпения, чтобы отвоевать у пустыни эту узкую прибрежную линию, превратив ее в райский сад! Достаточно выйти за ограду отеля – и вы не увидите ни единой травинки – начинаются пески и камни. Мы гуляли и восхищались всем этим великолепием, а десятки людей с утра до вечера поливали, удобряли, обрезали ветки, пололи газоны и стригли.

Честности ради скажу, что внутри наш номер не вызвал восхищения, скорее разочаровал. Стены были покрашены в бескомпромиссно желтый цвет, мебель уныло-черная и какая-то захватанная, так что сначала я взяла тряпочку и протерла все поверхности. Сантехника тем более не тянула даже на тройку – заляпанная с приличным сроком службы. По раковине проходила жирная трещина. Но, поскольку мы собирались все время проводить за пределами номера, особо не расстроились по этому поводу. Тем более, кондиционер, холодильник, плазменный телевизор со спутниковой антенной присутствовали. Внутренний дворик нашей виллы представлял собой мощный партер с навесом в виде деревянной решетки, стояли кресла и столик из бамбука – приятное место, откуда можно было любоваться морем.

Иногда по утрам рядом с нашей виллой неторопливо прогуливались две белые птицы, похожие на маленьких аистов с длинными чуть загнутыми клювами. Своим видом птицы воскрешали образы древнеегипетских фресок с птицами Бену. Они тихонько по-куриному кудахтали. А по ночам, если днем забывали закрывать окно, нам не давали спать комары и мухи. Причем,

египетские комары верткие, юркие, не чета нашим, сибирским. И с особенной нежностью мы смотрели на воробышков, которые так же бойко чирикали на пальмах. Может, и они на курорт прибыли из наших мест?

Рядом с нашим располагался отель, где отдыхали итальянцы. И вот ведь какая сегрегация: итальянцев на территорию нашего отеля пускали, а нас на итальянскую – нет. Никакого заграждения между отелями не было. Просто сидели у дорожек, ведущих в итальянский отель, охранники и говорили:

– No. Sorry. One cannot.¹

И где после этого их демократия? Мы пытались выяснить, почему же нас не пускают к итальянцам. Были невнятные предположения, что они нас боятся.

Другой поразившей меня вещью была система «все включено» – «all inclusiv». Конечно, я знала, рассказывали об этом, но что настолько «включено» не могла себе представить. Если сказать просто – ешь, пей, выпивай, сколько влезет с утра до вечера, за все заплачено. Утром завтрак в ресторане «Зеленый дом». Внешне ресторан отделан в греческом стиле с элементами ордерной системы. Скатерти и салфетки – в зелено-салатных цветах. В глубине зала – длинная полукруглая стойка, на которой выставлены металлические контейнеры с различными блюдами. Возле каждого – таблички с названием блюда на русском и английском языках. Далее идут печи, фритюрницы, где по вашему заказу и в вашем присутствии тут же испекут блинчики, сделают омлет или глазунью, запекут рыбу или нарежут суши. Далее идут блюда со свежими овощами, различной нарезкой, хлопья и мюсли с молоком. На отдельном столе выложено до двух десятков сортов хлеба в разнообразных булочках, лепешках, хрустящих маленьких батончиках, нарезанной пицце. Причем, черного хлеба не дают. Иногда выкладка делалась в виде узоров и спиралей. Я любовалась выкладкой, но хлеб не брала, потому что были восхитительные булочки! Они выкладывались на отдельном столе. Таких вкусных, воздушных булочек с золотистой блестящей корочкой я прежде не ела. Стол напротив – буйство кондитерской фантазии. Утром здесь выставлялись кексы, а вечером, кроме кексов – тьма пирожных, эклеры, огромные торты, пастила, сладкие пудинги и прочая и прочая. Рай для сладкоежек. В редкой кондитерской найдешь такое разнообразие. И еще стол, на котором вы сами себе наливаете различные чаи, какао, кофе разных видов. В баре – соки, воды. Признаюсь, я оторопела от такого изобилия. Если выложено десять сортов булочек и хлебцев, столько же сортов сладких булочек, зачем еще десять видов кексов? Но это было только началом. После завтрака публика перемещается на пляж. Там тоже бар-ресторан, барбекю, печи для выпечки пиццы, пиво, коктейли, соки, чай. Все это без всякого ограничения. Есть еще бар у бассейна – там булочки, напитки, с 15.00 до 16.00 – мороженое.

Обед – в ресторане «У Моря». Если бы в этом ресторане давали только манную кашу с черным хлебом, я бы все равно ходила туда с удовольствием. Ресторан расположен на высокой крытой террасе над морем. Куполообразная

---

¹ Нет. Извините. Нельзя.

крыша напоминает паутину, она сплетена из пеньковых веревок, столы под зонтиками. Открытый морской простор, яхты плывут невдалеке от берега, между столами гуляют бесстрашные горлинки, негромко играет музыка. И все то же изобилие. Вы можете сами взять бокал вина или коктейль, можете попросить у официанта – и он принесет вам.

Вечером Зеленый ресторан вновь открывается, работает с 19 до 24 часов – сначала обильный ужин, потом еще закуски. К ужину выкладывают много фруктов и, как я уже говорила чудовищное количество кондитерских изделий. Суши, рыба, нарезка из различных овощей, разные подливки и соусы – из них вы сами себе можете соорудить салат по вкусу, если вам не понравятся те двадцать пять салатов, которые для вас приготовили повара. На ужин всегда предлагают что-то особенное: большого зажаренного на вертеле барана, от которого отрезают кусочки всем желающим или какую-нибудь гигантскую рыбу в фольге. Рядом на улице на мангале готовят шашлыки или мясные роулы, или крабов. Надо просто прийти с тарелкой и взять, сколько хочешь.

Так что тебе не только не позволят проголодаться, но даже оправиться от обжорства. Вновь приехавшие отдыхающие в первые дни таскают тарелки с едой, наваленной горами. По бледной коже и этим переполненным тарелкам их и можно узнать. В последние дни берут только что-нибудь изысканное. Пара из Самары, с которой мы ужинали за одним столом перед их отъездом, взяла только печеных крабов, креветки и по бокалу красного вина.

Единственная слабость ресторанной кухни – супы. Они все напоминали болтушки на муке с приправами и зеленью. И еще почему-то не было так любимых русскими пельменей. А в отеле отдыхают только русские, ну, еще граждане Украины и Белоруссии.

После 21 часа открывается ночной бар – там опять рекой льются алкогольные и безалкогольные напитки. Иногда живая музыка и певцы поют. Но у нас хватило сил забрести туда только один раз.

Этим не исчерпывается система «все включено». Есть еще анимация. У нас она была в отеле Dessoie nesco joys. Там огромный бассейн, аквапарк с горками. В центре бассейна – островок-бар (я сбилась, какой по счету). Сиденья стоят прямо в воде. Ты плаваешь, сигаешь с горок, и, не выходя из воды – в бар пропустить стаканчик горячительного или прохладительного. По нашим российским обстоятельствам – запределный сервис.

Аниматоры – симпатичные молодые девушки и юноши проводят каждый день утреннюю гимнастику, в полдень – акваэробiku, после четырех – занятия йогой. В продолжение всего дня конкурсы, турниры, игры, музыка. Вечером – особая программа. Нескончаемая фабрика развлечений и удовольствий!

Кроме того, предлагается еще более полусотни различных платных туров и экскурсий: исторических, морских, экстремальных, развлекательных от роскошных и дорогих, до дешевых и демократичных. Можно съездить в Израиль, в Иорданию. Все туры, если судить по тем трем, которые мы купили, очень хорошо организованы.

Брат Владимир, когда прочел этот мой очерк и поездке спросил:

– Зачем ты так много про еду пишешь, как с голодного края?

– Я же пишу не про еду, а про то, что меня удивило, – отбивалась я.

Я как раз не хотела бы выглядеть бывалой и пресыщенной, и поэтому не фильтровала свои впечатления «нужным образом».

Наблюдение курортной жизни в Египте натолкнул меня на грустные мысли о слабых перспективах российского туризма. И причиной тому был не только восхитительный вкус булочек в отеле. Вы можете представить себе русскую уборщицу, которая моет пол или метет, при этом приветливо помахивает вам ладошкой, ласково улыбается и говорит:

– Привет! Как дела? Все хорошо?

Я не могу. А здесь – это обычно. Мне говорили: «Да это их так обучают, у них безработица, вот они и стараются». наших тоже в последнее время обучают сервисной речи, и кассир в супермаркете угрюмо вам протараторит:

– Спасибо за покупку, приходите еще.

Возможно, все дело именно в их природной приветливости и открытости. Мы по отношению друг к другу держимся холодно и отчужденно. Но египетское дружелюбие русских подкупает и восхищает – я почитала журнал отзывов на ресепшене. Есть и еще одно. Наличие работы, любой – уже хорошо. Поэтому она воспринимается без тягости, внешне – как удовольствие. Официанты с радостной улыбкой забирают грязную посуду, подшучивают, пытаюсь забрать у вас полные тарелки. Садовники поднимут голову и улыбнутся, когда вы проходите мимо. Захотите поговорить с ними – с готовностью откликнутся. Администраторы – будто весь день только вас и ждали. На мото-сафари, перед началом шоу в пустыне нас обслуживало несколько человек. Среди них молодой ну, бедуин, наверное, скорее приятной внешности, но не красавец, с изумительной природной пластикой. Одет был в «арафатку» и длинную белую рубаху. Он носил чай, раскуривал и приносил клиентам кальян, готовили ужин и другое. От него невозможно было отвести глаз. Все это он делал с необыкновенным достоинством, подобно принцу крови, у них они называются, кажется, шейхами.

Потому, я думаю, русские так любят Египет, что здесь они чувствуют себя *vip*-персонами, за ними ухаживают, их желания исполняют, их здесь балуют и лелеют. У себя на родине, увы, такого не получишь.

Я слышала не раз, что в мусульманских странах прилипчивые и приставучие мужики. Я убедилась, что они такие настолько, насколько мы им это позволяем. Установить границу дозволенного не составляет никакого труда. Конечно, если дама ходит обедать в стрингах и прозрачном парео, местные горячие парни очень легко поймут ее «мессидж». Мы как-то торговались в отельном магазинчике с молодым торговцем.

– У тебя все дорого, поедem в город купим, – сказали мы ему.

– Там будет пириставать к вам (знает же это слово!)

– А мы закутаемcя в платки, длинные юбки наденем.

– Висё равно видно.

– Что видно? – оторопели мы.

Ответ его был замечательным!

– Дюша (душа), – парень сладко улыбнулся.

На первых встречах отельные гиды учили нас торговаться с местными:

– Если они вам говорят десять долларов, сразу говорите – два, на пяти сойдется.

Но вобщем, зря они нас так настроили, мы потом бились за каждый доллар, портя себе настроение, – а это всего-то 30 рублей. Один-два доллара недорогой покупки вам легко уступят. Не принимайте всерьез, если вам с придыханием скажут:

– Только дыля тьебя – тыринадцать долларов – это обычная уловка, и цена, скорее всего, будет завышена.

Продавцы в отельных сувенирных лавках предлагают тут же забрать понравившуюся вам вещь, которую вы собираетесь купить:

– Берите.

– У нас с собой денег нет.

– Потом несёте, – а они вас в первый раз видят.

Когда мы перед прогулкой на яхте заехали в пункт проката, где надо было взять спасжилеты, ласты и маски, мне не хватило денег на два комплекта, и я подошла к нашему гиду Ибрагиму спросить, от чего можно отказаться, а что необходимо взять, так как на все не хватает денег. Он просто достал деньги из кармана и дал мне недостающую сумму. Я была поражена: перед ним каждый день проходит поток туристов, меня он видел в первый раз.

– А как я вам их верну?

– Когда в отель вернемся – я подожду, вы сходите за деньгами, – еще заморочка – ждать меня.

В первый же день нашего пребывания в отеле мы узнали, что такое навязчивый египетский сервис. Торгующие дома Шарма устраивают для отдыхающих бесплатные шоп-туры в свои магазины ковров, меха. Шопинг нас не интересовал. Гиды нам сказали: съездите просто так, просто посмотрите, покупать не обязательно. И мы сдуру поехали. Как только мы переступили порог магазина «Меха и кожа» – все надписи на русском, все говорят по-русски – нас тут же взял в жесткий оборот длинноволосый молодой торговец. Он не отходил от нас не на шаг. Нам пришлось изображать заинтересованных покупателей. Стоило прикоснуться к чему-нибудь:

– Вам показать? Хотите померить?

Пытаясь скрыться от него, мы с дочерью, рванули на второй этаж, он шел за нами по пятам, как за добычей.

К нам подошла девочка из отеля:

– Давайте договоримся, что мы встретимся через час на входе, чтобы не потеряться, – попросила она.

– Да ну! Час слишком много, – не согласилась я. – Давайте через тридцать минут.

Наш преследователь, внимательно слушавший разговор сказал очень строго и даже с осуждением:

– Не надо говорить столько или столько ходить. Сколько нужно. Если нужно час – то час, если два, то два. Здесь нет никаких проблем.

Он-то мечтал, чтобы по магазину ходили бесконечно покупатели и бесконечно скупали товары. А мы мечтали расстаться с ним – повернулись и вышли из магазина. Поджидая у входа остальных жертв шопинга, мы стали свидетелями интересной сцены. Из магазина вышла дама. Ее провожал ну, не меньше, чем тор-менеджер или сам директор магазина, увешанный пакетами с ее покупками. Он передал ей пакеты:

– Спасибо, дорогая, хорошего вам отдыха, дорогая! – и расцеловал ей руки.

Вот это сервис! Наверное, покупки дамы тянули тысячи на две-три долларов. Потому что той, которая купила курток на 700 долларов, руки не целовали, просто пакеты вынесли. Но на специализированный шопинг мы больше ни ногой.

Наконец, стоит сказать и о том, ради чего мы и приехали в Шарм эль Шейх – о Красном море. Сколько было разговоров перед поездкой, пускают ли в море, не пускают ли в море. Из интернета мы узнали, что в нашем отеле пляж огорожен от акул, но отдыхающие жаловались, что он очень мелкий, буквально по колено. На самом деле, во время прилива вода доходила до шеи, а при отливе, да, большей частью по колено. Но меня мало беспокоили эти обстоятельства, потому что я была лишена утилитарного отношения к морю. Ведь если можно просто смотреть на него, любоваться игрой света и цвета, следить за набегаящими волнами, слушать его шум, бродить по берегу, писать на песке послания Вечности, не очень-то и нужно купаться.

Плещутся волны

Пишу и пишу

Слово «вечность».

На относительно короткой береговой линии пляжа было столько интересного. По омываемым волнами камням, отталкиваясь плавниками, прыгали юркие пятнистые рыбки, шныряли маленькие крабики. Такие забавные – ходят боком. Наш пляж был поверхностью кораллового рифа. И даже без масок и погружений были видны фиолетовые и синие кораллы, причудливые водоросли, цветные рыбки. Берег был тоже прежде рифом, и по его окаменелостям можно изучать флору и фауну моря. Песок наполовину состоит из мелко измельченных окаменелостей. Среди этого морского мусора – створки разнообразнейших раковин, обломки кораллов в виде макарон, лапши, кистей рук, какие-то пупырчатые шляпки. Вывозить ничего нельзя: пособираешь, полюбишься – и отправишь все это опять в море. Наши знакомые как-то дали нам огромный обломок белых кораллов, очень красивый, нашли его на пляже:

– Мы уже все с ним пофотографировались, хотите?

Мы тоже пофотографировались и оставили его на берегу.

Бродя по берегу, то и дело натыкаешься на фотосессии. Молодые девчонки, подражая топ-моделям, картинно меняя позы, без усталости фотографируют друг друга.

Из-за опасности акул отдыхающих не пускали даже на понтонный мост, откуда прежде спускались в море. Лишь к вечеру, когда холодало, и пляж пустел, можно было посидеть на нем с охранниками, поболтать в воде ногами. Прозрачная вода казалась неглубокой. Но охранники сказали нам, что до дна 13 метров! Конечно, там могут плавать никем не замеченные акулы. Один раз я прыгнула в морскую пучину прямо с кораллового рифа. В отлив вода в море была чуть выше щиколотки. Я шла по рифу, чуть покрытому водой – кораллы, рыбки, и вдруг стою на краю обрыва, подо мной черно-синяя пропасть. Это не каких-нибудь 13 метров. Я чуть помедлила и прыгнула в эту пучину, и поплыла, мне захотелось ощутить свободу и опасность. Сетка впереди была, но она, возможно, сбилась, потому что никакой сетки не хватит, чтобы перекрыть эту глубину. Я уже повернула обратно к рифу, как раздался свисток охранника, заметившего меня в неполюженном месте. Но мне хватило этих нескольких мгновений, чтобы почувствовать открытое море.

На второй день мы отправились на морскую экскурсию к острову Тиран на яхте. Каждое утро вереницы белых яхт тянулись мимо нашего отеля к дальним берегам бухты. После обеда караван возвращался обратно. Побережье острова Тиран славится красивыми коралловыми рифами. Утром гид Ибрагим забрал желающих из отеля и повез на причал. Мы поднялись на яхту, разулись, сложили обувь в ящики, и тут же почувствовали себя, как дома. Приветливая команда, состоящая из гида, двух инструкторов Тимми и Махмуда, двух моряков и повара, смогла подарить нам такое удивительное ощущение. Осмотрели все палубы и помещения, попили чай. Те, кто не раз совершал морские прогулки, сразу заняли vip-места – разлеглись на матах на носу яхты, мы последовали их примеру.

Яхта, покачиваясь, неторопливо плыла по морскому простору, ярко светило солнце, Играли ослепительные блики на воде. С одной стороны – безбрежная синева, с другой – по берегу тянулись нескончаемые белеющие линии отелей. Прохладный ветер трепал волосы, остужал солнечный жар. Какая же здесь погода! У нас и летом не бывает столько солнца и тепла, сколько у них зимой.

С нами на яхте плыли пять египетских девушек, одетых с ног до головы, в хиджабах. Видимо, родственницы работающего на яхте персонала. Их сопровождала пожилая длинноногая матрона в шляпе, покуривающая одну за другой тонкие сигареты. Девчонки были очень оживлены, прогулка, как и нам, доставляла им огромное удовольствие. Но было и кое-что еще. Они с нескрываемым любопытством разглядывали нас, загорающих, гуляющих в открытых купальниках по палубам. Катю, свою ровесницу, они прямо таки буравили взглядом. Не заметила никакого осуждения в их взглядах. Катя уверяла меня, что они смотрят на нас с нескрываемой завистью. Мне тоже так показалось. Девчонкам в сравнении с нами было чем похвастаться – все они, как на подбор, рослые, хорошо сложены, но, абсолютно одетые.

По дороге к острову нас несколько раз инструктировали по поводу того, как вести себя на открытой воде, когда мы окажемся в море, как пользоваться маской и трубкой, каких рыб мы увидим, и какие из них представляют опас-

ность. Нам показали несколько знаков дайверов, которые мы должны были запомнить.

Когда мы не очень внимательно слушали, инструктор Махмуд покрикивал:

– Ребята! Ребята! Доброе утро!

Относительно акул нас инструктировал Ибрагим.

– Если увидите акулу, делайте так, – Ибрагим перекрестился.

Все рассмеялись.

– Нет, – не согласилась я с ним, – это мусульманская акула, поэтому надо делать так, – я провела руками по лицу.

Русские оценили шутку и тоже рассмеялись, Ибрагим – нет.

Но туристов к острову Тиран возили без опаски, акул там не было, так нам говорили. Мы надели маски, спасжилеты и спустились с яхты в открытое море с Махмудом и Тимми. На них были черные гидрокостюмы, ласты метрового размера. Тимми сбросил с яхты спасательный круг. Он и сыграл решающую роль в нашем плавании. Поскольку у нас с Катей не было ласт, мы первые начали отставать от группы и находились уже в опасном отдалении от нее. Тимми подождал нас, мы ухватились за круг. Потом к нему прицепились еще две девочки, потом еще Жанна с татуировкой на бедре и наконец, еще один парень. Мы гроздьями висели вокруг спасательного круга. И всю эту компанию Тимми буксировал за основной группой. Было весело. Иногда на нас накатывали высокие волны – и мы начинали визжать, иногда кому-то казалось, что его коснулся плавник акулы, и мы опять начинали визжать, иногда нас несло прямо на рифы и мы, конечно, тоже начинали визжать. Жанна удобно устроилась на круге и принялась без умолку болтать с симпатичным молодым Тимми, о его девушке, о жизни в Каире, в Шарме, о заработках и прочая. Махмуд несколько раз подплывал к нам:

– Бла-бла-бла! Когда под воду смотреть будешь, – укорял он Жанну.

Но Жанне инструктор Тимми был намного интересней подводного мира, она и не подумала взглянуть на дно морское. Тимми лучше знал английский, они перешли на английский язык и разговор получил новый импульс. Я узнала, что Тимми получает 700 долларов, что в Шарме очень дорогое жилье – за маленькую комнатку нужно платить 400-500 долларов – что он не женат, у него есть девушка. Бедный Тимми! Он тащил шесть человек на спасательном круге, болтал на двух языках с разговорчивой Жанной, при этом открытая улыбка не сходила с лица.

Я наконец-то приспособилась к маске и трубке и смогла, уцепившись одной рукой за круг, любоваться подводным миром. Из глубины поднимались причудливые скалы, в цветных кораллах и водорослях, сновали пестрые рыбки. Я видела электрических скатов, серебристых тунцов, стаи черных рыб, нашедших какую-то добычу и много-много яркой цветной мелкотни. И еще пару раз мы встретили дайверов. Они, как диковинные большие черные рыбы, неторопливо плыли под нами, ведя съемку и обмениваясь своими дайверскими знаками.

К концу нашего плавания мы уже устали, замерзли, нахлебались соленой воды и хотели на сушу. Устал и Тимми. Это было видно. Я поднялась на верхнюю палубу и рухнула на маты. Не могла унять дрожь, соленая вода текла из носа, ушей, во рту было все соленым и подташнивало. Накупалась надолго. Обед мне пришлось пропустить. Но горячий чай с бедуинскими лепешками привел меня в чувство. Прогулка к нашему сожалению подошла к концу. Тимми попросил нас написать отзыв об экскурсии.

– Тимми, number one – you²! – сказала я ему.

– Thank you³, – Тимми широко улыбнулся и прижал ладонь к груди.

В автобусе по дороге в отель Ибрагим рассказал нам о тяжелой участи мусульманских мужчин. До этого мы знали о тяжелой жизни мусульманских женщин, он же поведал нам о том, как трудно приходится мужчинам. Мусульманские жены не работают «вообще». Мужчины трудятся в Шарм эль Шейхе, а жены живут в Каире и тратят их деньги. Один раз в неделю они звонят им и спрашивают:

– Как дела, дорогой? У меня уже заканчиваются деньги.

(Почему я не родилась мусульманской женщиной?).

А если мужчина разводится с женой, то он должен оставить ей все имущество.

Мне стало жалко мусульманских мужчин. Я сказала:

– Женитесь на русских девушках. Они много работают, а при разводе половина нажитого имущества остается мужчине.

В первые дни нашего пребывания в Египте не чувствовалось никакой напряженности в связи с протестами. Шарм эль Шейх расположен даже не в Африке, а в Азии, на самой южной оконечности Синайского полуострова, его отделяет от Африки Красное море и Суэцкий канал, который усиленно охраняется. Нам даже продали туры в Каир, видимо, в надежде, что там все скоро «рассосется». Но к началу февраля стали ощущаться признаки напряжения. Исчез интернет, не было сотовой связи с Каиром, начались перебои в роуминге. Я поначалу надеялась, что все же удастся съездить в Каир, ведь долина пирамид расположена не в городе, а за его пределами. Какими-нибудь обходными путями привезут туда. Может, и Каирский музей с сокровищами Тутанхамона где-нибудь там неподалеку находится, вдали от эпицентра уличных столкновений

У нашего отельного гида Чингиза спросила:

– А Каирский музей далеко от центра находится?

– Его уже нет, музей разграбили. Он в самом центре Каира находился, на площади Тахрир.

Я остолбенела. Значит, действительно, все очень серьезно.

Вскоре официально отменили все туры в западном направлении.

Поначалу сотрудники отеля неохотно говорили о политических событиях, потом стали высказываться определенно. Один охранник коротко и исчерпы-

---

² – Номер один, вы.

³ – Спасибо.

вающе охарактеризовал политическую обстановку. На вопрос «Как дела в Каире?» он ответил:

– Каир – плёхо: Мубарак – по Мубарак, Мубарак – по Мубарак⁴.

Раскол страны на сторонников Мубарака и его противников сказался и на нашем персонале. Сотрудники отеля тоже разделились на тех, кто был за Мубарака и против него. Сначала мы думали, что все простые египтяне против него. Во время нашей поездки в Израиль до границы нас сопровождал гид, которого тоже звали Ибрагим. Был он маленького роста, худенький и молчаливый.

– Ибрагимушка, расскажи нам что-нибудь, – ласково просила его пожилая дама.

Ибрагим застенчиво улыбался и отмалчивался. В его обязанности не входило рассказывать нам о древностях Синая. Но на обратном пути он вдруг горячо сказал:

– Мы все против Хосни Мубарака. Он правил страной с тысяча девятьсот восемьдесят первого года и ничего не сделал для Египта. Мы больше не хотим его.

Саид, молодой парень, торгующий сувенирами, сказал нам:

– Мы против Мубарака.

Торговец из другой лавки сувениров, весьма зрелого вида в разговоре сказал нам:

– Я биль мальчик, маленьки, семь лет, и уже биль Мубарак. У вас сколько срок правлени?

– Пока два по четыре. Восемь лет.

– Ну, харашо! Так у нас должно бить.

Я посчитала: за мою жизнь в стране сменилось восемь правителей разного толка, несколько политических систем, поменялась страна в целом, и теперь идут бесконечные реформы – мне хватит. Но и египтян я понимаю. Больше всего я боялась, что не доживу до конца коммунистического режима, и не увижу «светлых перемен». Не все перемены оказались «светлыми», но лучше разнообразные перемены, чем никаких.

Однако в дальнейших разговорах выявились и сторонники Мубарака. Высокий красивый египтянин, работающий на ресепшене, сказал нам решительно:

– Я – за Мубарак.

– Мы тоже.

– Почему? – заинтересовано спросил он.

– Потому что при нем был создан весь это рай для русских туристов.

– При нем все это построили, и Египет стал мировой туристической державой, – поддержала я дочь. Кроме того, я знала, что происходит со страной, когда она выходит из состояния динамического равновесия.

Парень согласно покачал головой.

---

⁴ Мубарак – не Мубарак, Мубарак – не Мубарак.

И еще за Мубарака оказался солидный усатый шеф-повар. Мы заговорили с ним за завтраком у стойки, когда он готовил нам глазунью. Он указал на свой бейджик и сказал:

– Шеф.

Я указала на Катю и сказала:

– My daughter.⁵

И так у нас завязался разговор.

– Мубарак – отлично! – сказал он. – Мубарак – дружба with Russian, with France, with Italy.

Мы выразили полное единогласие с ним. А в глазунью мог бы побольше зелени и помидоров добавить.

Особенность нашего отеля была еще и том, что он находился рядом с дачей Хосни Мубарака. Это мы узнали на следующий же день после приезда. Высокая белая стена перегораживала берег прямо за нашим рестораном «У моря» в метрах 50. На склоне днем и ночью стояли патрульные с автоматами. Везде были установлены камеры. Внизу в ложбине на разделительной полосе под зонтиками – небольшое кольцеобразное укрепление из камней. Там сидел пулеметчик с оружием, нацеленным на морские подступы к даче. Пару раз возле резиденции летали боевые вертолеты. К концу нашего пребывания и там, на охраняемой даче кое-что изменилось. Пулеметчик под зонтиком, нарушая всякие уставы, стал махать рукой девчонкам, зазывая их к себе.

Мы очень боялись, что из-за протестов отменят тур в Израиль. Ведь и выбрали-то Шарм эль Шейх потому, что оттуда можно было поехать на Святую Землю. Нам повезло. 30 января в начале одиннадцатого вечера гид Ибрагим пришел за нами на ресепшен. Сначала автобус объехал несколько отелей, забрав оттуда туристов, а потом устремился на северо-восток, по направлению к израильской границе.

За окнами автобуса – беспросветная тьма, едва заметны очертания гор, временами вплотную подступающими к дороге. Дорога пустынна, редко-редко промелькнет встречная машина, нет никаких населенных пунктов, их веселых огоньков. Это – Синайская пустыня. Здесь Моисей водил евреев и, возможно, где-то неподалеку стояли в ночи под этими же неяркими звездами их бедные шатры. От тьмы и пустынности веяло тревогой. До границы мы ехали почти три часа, миновали несколько блокпостов, на которых стояли серьезные бородатые мужчины в «арафатках» с автоматами.

На израильской таможне при оформлении документов суровая тамошница, похожая на учительницу математики, стала меня расспрашивать:

– Вы в первый раз в Израиль едите?

– Да, – я улыбалась, расценивая это как знак гостеприимства.

– Никогда раньше не были в Израиле?

– Нет.

– Куда едете? В какой город? – расспросы стали походить на допрос.

– В Иерусалим, в Вифлеем.

---

⁵ Моя дочь.

- Вы одна едете?
- Нет, с дочерью.
- Как дочь зовут?
- Катя.

Так и есть – допрос. Я своей этнически неопределенной внешностью вызвала у нее подозрение. Катя стояла за стойкой рядом. Таможница открыла дверь своей кабинки и стала слушать ответы Кати. Я забеспокоилась. Вдруг Катя что-нибудь перепутает, стала ей подсказывать, что мы собираемся посетить Иерусалим, Вифлеем.

– Подождите, мама, – осадила меня таможница.

Хорошо, что у Кати безупречно славянская внешность. Нас пропустили. Что поделаться, израильтяне живут, в состоянии повышенной опасности, приходится быть бдительными. На израильской стороне нас встретила Евгения – сопровождающий гид. Она, как мы узнали позже, наша, сибирячка, из Тюмени, работает в Израиле по договору. Евгения отвела нас в автобус – небольшой очень комфортабельный «мерседес». Когда мы тронулись, Женя предложила собрать все наши паспорта и положить их под сиденье водителя – самое надежное место. Тогда уж точно никто их не потеряет. Мы с ней согласились. Еще ехали около двух часов по Израилю. Здесь дорога была веселее, мы видели огни Саудовской Аравии, Иордании. Оттуда сотовые операторы прислали на мой телефон СМС, предлагая воспользоваться их услугами. Проезжали мимо израильского порта Эйлат, стоящего на Красном море. Позже израильский гид сказала нам: мы так рады, что у нас есть кусочек Красного моря.

Первая наша остановка на Мертвом море, в курортном местечке с труднопроизносимым названием. Автобус подъехал к зданию, где был магазин с косметикой мертвого моря и кафе. По телевизору я видела, как обмазанные грязью люди довольные и расслабленные стоят под ярким солнцем на голом берегу Мертвого моря. Наша реальность оказалась другой: было темно, накрапывал дождь, температура воздуха – двенадцать градусов.

– Как купаться? – спрашиваем.

Нам сказали, что через час взойдет солнце и потеплеет, а пока покупайте продукцию магазина, идите в кафе, доставайте свои ланчбоксы и завтракайте. Мы так и сделали. Однако через час дождь продолжал накрапывать, а солнце хоть и взошло, но редко показывалось из-за сине-свинцовых туч. Охранники в будке у моря стояли в теплых куртках, похожих на пуховики. Выбора не было, в семь утра мы надели купальники, сняли с себя, как нам указали, все изделия из серебра и полезли в море, которое казалось нам еще более мертвым. Вода на ощупь необычная, жирная, как нефть. Десять минут мы полежали на спине, подняв руки и ноги вверх, сделали фото. Нас предупредили, что держаться на воде надо очень ровно, плавать нельзя, чтобы вода не попала в глаза, это опасно. Еще минут десять, сдерживая дрожь, под дождем и душем отмывались у берега. Потом надели на себя все теплые вещи. После таких омовений выглядели посвежевшими и бодрыми.

И тут появилась она, наш экскурсовод Диночка. С Диной нам необыкновенно повезло: бывшая ленинградка, внешне некрасивая, но очень живая, эмоциональная, эрудированная, влюбленная во все иудейские древности, она захлеб рассказывала нам о Святой Земле, об истории Израиля и его современности.

Мы поехали вдоль Мертвого моря на север. Солнце засветило в полную силу. Бело-голубые облака живописно клубились над морем. С одной стороны поднимались коричневые горы и хребты, с другой синело море, окаймленное голыми каменистыми берегами, то подступающими совсем близко к трассе, то отступающими далеко от нее. Перед нами расстилалась Иудейская пустыня. Казалось, что мы не только географически очутились на библейской земле, но пронзили завесу времен. В воздухе, в воде удивительного моря, в причудливо клубящихся облаках, в коричневых склонах гор было разлито и подмешано что-то неземное, горнее. Это мое ощущение усиливали появляющиеся и на полнеба сияющие радуги. Они нас сопровождали весь день, до самого Галилейского озера.

Одно за другими проносились перед нами волнующие достопамятные места, которые называла Дина. На одной из гор поднимающегося слева от дороги хребта мы увидели развалины крепости Моссада, построенной царем Иродом Великим, тем самым, в правление которого родился Иисус Христос, тем Иродом, который избил младенцев в Вифлееме. Его называют еще Иродом Строителем, потому что он восстановил Иерусалимский храм. Во время Иудейской войны, когда Иудея восстала против власти Рима, крепостью Моссада овладели повстанцы, она была их последним оплотом. Чтобы не стать пленниками римлян, повстанцы решили покончить с собой. Но самоубийство считалось грехом. Поэтому из тысячи человек по жребию были выбраны десять, которые убили остальных, а затем убили друг друга. В живых остались только две женщины, они рассказали об этой трагедии.

Не успели мы прочувствовать повествование Дины о мужественных повстанцах, как она уже указывала нам на склоны гор, где в 1947 были найдены знаменитые кумранские рукописи, созданные ессеями. Как нам сказала Дина, в рукописях содержалось пророчество о разрушение Иерусалимского Храма, и об обретении этих рукописей через 2000 лет, когда воссоздастся еврейское государство. Горы совсем близко подступали к дороге и, действительно, на крутых склонах можно было заметить небольшие гроты и пещерки. Там ли в запечатанных сосудах хранились эти бесценные рукописи или в других пещерах – не важно: нас обдало духом древности и святого отшельничества.

Но уже через несколько минут мы приблизились к еще более невероятной древности. Слева показался город Иерихон – по современным данным, самый древний на земле город, ему более 10 тысяч лет. Это первый город, который встретили иудеи, вернувшись из Египта в Палестину. Иерихон они разрушили звуками труб (знаменитые «иерихонские трубы»). Некогда грозная крепость выглядела маленьким безобидным городком на двадцать тысяч жителей, в облике которого ничего не напоминало о его древности. Здесь, в Иерихоне, до сих пор растет «дерево Закхея» – знаменитая смоковница, на

которую залез мытарь Закхей, чтобы увидеть Христа, которого загоразивала от него толпа. Как раз незадолго до нашей поездки территория с деревом Закхея была подарена России Палестинской автономией. Эта территория прежде и принадлежала русскому Императорскому православному палестинскому обществу.

Потом Дина указала нам на сверток с дороги:

– Он ведет в монастырь Иоанна Крестителя, который расположен недалеко от того места, где Предтеча крестил всех а реке Иордан. Сюда пришел и Христос.

Позже я узнала, что место Крещения Господня расположено в восьми километрах от города Иерихона и в пяти километрах от впадения Иордана в Мертвое море. Но теперь паломников пускают туда только два раза в год: на праздник Крещения, 19 января, и в Страстную неделю, поскольку как раз по этому участку реки Иордан проходит граница между Израилем и Иорданией. Эта территория находится под строгим контролем и буквально под дулами автоматов.

Потом мы миновали гору Каранталь – Сорокадневная гора или гора искушения, где Христос после крещения постился сорок дней, искушаемый дьяволом. Оттуда он пошел в город Назарет. Мы увидели на вершине только ровную серую стену. Дина сказала нам, что как раз это место принадлежит русской православной церкви, оно было выкуплено русским императорским Паломническим обществом. Об этом обществе Дина с теплотой много нам рассказывала. Для поддержания паломников из России Общество создавало в Палестине русские монастыри.

От такой плотности и близости библейских святых мест, которые прежде невозможно было помыслить и представить, голова кружилась, эмоции зашкаливали. Но это было только началом. Нам предстояло посетить все главные христианские святыни от места Благовещения в Назарете до храма гроба Господня в Иерусалиме, войти в ту знаменитую кувуклию, где произошло чудо Воскресения, и где каждую Пасху загорается чудесный Благодатный огонь.

Мы ехали на север Израиля, в город Назарет, где случилось Благовещение. Там до начала служения и страннической жизни жил Иисус. Он провел в Назарете тридцать лет своей жизни.

Арабские деревни перемежались с еврейскими. Дина как бы невзначай обратила внимание на их разницу:

– Вы сами видите, какие арабские деревни, какие израильские.

Да, израильские деревни были ухоженными, засажены деревьями и цветами, арабские – не очень опрятными, бедноватыми, засыпанными мусором, и не озелененными. Вместе арабы и евреи не живут. Дина призналась, что с дружбой народов у них очень напряженно. «Что такое Палестинская автономия – никто толком не знает» – добавила она. Я тоже не смогла в этом разобраться, поняла только, что палестинские и израильские территории перемежаются, если возможно, они друг друга к себе не пускают. Так, Иерихон находится на территории Палестинской автономии и въезд израильтянам в него

запрещен. Израильтяне в свою очередь не разрешают палестинцам вылетать из своих аэропортов. Палестинцам приходится ехать в Иерихон, переходить границу и улетать из Иорданских аэропортов. События в Египте Дина называла не иначе как «цирк и балаган». Что-то было неприязненное в отношении ее к арабам. Ну, да, Израилю пришлось выдержать несколько жестоких войн с арабскими государствами.

В Израиле религия не отделена от государства. И сохраняется запрет на изображения человека. В уличной рекламе нет изображений человека. Своеобразна скульптура. В одном из городов мы увидели памятник, который представлял собой странную конструкцию из колец, изогнутых труб, и каких-то абстрактных форм. Дина сказала, что это памятник отражает идею мира и согласия. Израильтяне остроумно окрестили его «Ухо-горло-нос».

Я спросила Дину:

– Сколько туристов в год приезжает в Израиль?

Она назвала цифру 2,4 млн. человек.

– С туризмом в Израиле плохо, – посетовала Дина, – Гостиницы дорогие. Боятся вкладывать деньги в туризм. Живем, как на пороховой бочке.

Если это истинная, цифра, то она, действительно, очень маленькая. В Россию только в Петербург приезжают свыше 5 млн. туристов в год. Я уже не говорю о Венеции, которая принимает каждый год до 14 млн. туристов.

Про особенности израильских городов Дина сказала так: в Хайфе работают, в Тель-Авиве развлекаются, в Иерусалиме молятся.

Между тем Иудейская пустыня осталась позади. Мы приближались к Иорданской долине. Пейзаж кардинально менялся. Вдоль дороги с обеих сторон зазеленели травы и деревья. И чем дальше мы продвигались на север, тем буйнее становилась растительность. Потянулись плантации апельсинов, манго, финиковых пальм, олив. Дина сказала нам, что в Израиле апельсинами кормят коров и что у них чудовищные надои абсолютно белого молока – 40 литров молока в день дает одна израильская корова. Израиль занимает первое место в мире по надоям молока – так она сказала. Может, все дело в апельсинах? Израильские апельсины очень сочные и сладкие. А олива появилась, как сказала Дина, именно в Галилее и отсюда была занесена в Грецию. И вообще, израильтяне никакую сельскохозяйственную продукцию не завозят. Насчет картофеля, я не сомневаюсь, он здесь невкусный, как в любой жаркой стране, а вот пшеничных полей не увидела.

В Израиле очень мало ресурсов и поэтому, то немногое, что есть, тщательно сохраняется и оберегается. Здесь поливают леса из вертолетов. При том, что пресной воды не хватает. Две трети населения пьют воду из Галилейского озера, запасы пресной воды в нем являются стратегическими. По пути в Назарет мы заехали в природный заповедник. Он ничем не был огорожен, и дорога упиралась прямо в хозяйственные постройки. Нет ни охраны, ни постов. По обе стороны дороги лежали и бродили дикие козы и козлы. Увидев автобус с прилипшими к стеклам людьми, козлы неторопливо побрели к кустам олив. Никакого страха у них не наблюдалось, животные не были знакомы с браконьерами.

Мы прибыли в Назарет. Судя по Евангелию, Назарет времен Иисуса был глухой провинцией, дырой: «Из Назарета может ли быть что доброе?» – презрительно сказал Нафанаил. Но как бы мне хотелось побывать именно в том, захолустном и бедном Назарете, от которого ныне ничего не осталось. Только названия достопамятных мест. Город, лежащий на холмах, сплошь каменный с невысокими светлыми домами. На крышах домов не особенно гармонично громоздятся солнечные батареи большие пластиковые бочки для воды и спутниковые антенны, все это опутано проводами, кабелями. Эти нагромождения на плоских крышах типичны для всех городов Израиля.

Сначала Дина ведет нас в магазин, как бы его назвать... духовных принадлежностей. Таковы правила туристического бизнеса. Дина нам втолковывала, что покупать все лучше в магазинах, а не на улице, потому что магазины отчисляют процент церквям, платят налоги. Думаю, дело еще и в другом. Дина, приводя туристов в определенный магазин, получала свой процент, кроме того, лишала дохода палестинцев, которые в основном и торговали теми же духовными принадлежностями на улице, по более низким ценам. При чем разница в ценах могла быть... пятикратной! Вот и решайте, где покупать иконы, кресты, ладан и масло.

Благовещенский собор – огромный храм с куполом, стилизованным под пирамиду. Он символизирует страну пирамид – Египет, куда Мария и Иосиф бежали после Благовещения. Храм католический, поэтому Дина нас сразу предупредила, что, возможно нам не удастся спуститься в пещеру, где расположена древняя лестница, на которой Мария встретила с архангелом Гавриилом. И действительно, пещера была закрыта решеткой, католики не были столь гостеприимны, чтобы пустить паломников из России. Из пещерки лился золотистый свет. В огромном полутемном и пустом храме это было самое теплое место. Дина объяснила нам, почему христиане так хорошо запомнили святые места, связанные с Христом. Эти места сразу стали местами поклонения, и римляне, чтобы уничтожить память о них, возводили на месте святынь языческие храмы, тем самым и увековечив память о святынях.

Дина указала нам в Назарете на гору Свержения. Это очень красивая гора, довольно крутая в зелени и камнях. Как свечи, поднимаются по склонам редкие стройные кипарисы. На ней произошли очень драматичные события. Иисус Христос после крещения в Иордане вернулся в Назарет и стал проповедовать в синагоге, но его назаретяне не приняли. Они привели его на эту гору и хотели, как нам сказала Дина, свергнуть с нее, но Христос прошел сквозь толпу и покинул Назарет навсегда. Он отправился в Галилею.

И мы вслед за Христом отправляемся туда. И опять наш слух и глаз ласкают горние, вечные названия и образы.

– Вот, гора Фавор, – указывает Дина на высокую правильной полусферической формы гору, которая возвышалась над всей долиной. О ней столько сказано, на стольких иконах она изображена, о фаворском свете написаны возвышенные трактаты. Казалось бы, гора эта давно должна переместиться на небеса. Но вот она, стоит здесь. И на каждый праздник Преображения в ночь с 18 на 19 августа здесь служится литургия, и множество людей подни-

мается на нее. И, как нам сказала Дина, каждый год в эту ночь на гору спускается облако, настолько густое, что людей в ней не видно, и вся вершина горы скрывается в облаке. Я обратила внимание на то, что изображенная на русских иконах Преображения гора Фавор не имеет ничего общего с настоящей горой. Фавор – она высокая, полусферической, как уже говорилось, формы, спокойная, лесистая. А на русских иконах изображается каменистая, дикая, крутая, дробящаяся на островерхие скалы, гора. И, наверное, такая гора больше соответствует правде о великих мистических событиях, произошедших на ней. Кстати, я видела иконы, на которых гора изображена, как и положено, пологой, на ней стоят рядом Иисус и апостолы. Такая композиция лишена динамизма, движения, и спиритуалистического посыла. На вершине горы сейчас стоит базилика Преображения, которая не видна снизу.

Затем мы въехали в Кану Галилейскую. От евангельских времен здесь ничего не осталось – обыкновенный поселок, как у нас говорят, городского типа. По дороге увидели две церкви, католическую и православную, посвященные чуду превращения воды в вино. Возможно, на этом месте жили родственники семьи Богородицы, пригласившие Марию и Христа на свадьбу. Здесь еще есть монастырь, который до сих пор делает вино, называющееся «свадебное».

Мелькнула гора Блаженства, на которой Иисус произнес Нагорную проповедь. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся...» Автобус так быстро проехал мимо горы, что я не успела толком ее рассмотреть. Под горой стоял город Капернаум, в котором невзлюбили Иисуса. Город погиб во время землетрясения 232 года.

Слева и справа потянулись оливковые плантации. Автобус остановился у парка, и мы по дорожке выходим к Галилейскому озеру. У него есть и другие названия: Генисаретское, Тивериадское от названий прибрежных поселений. Здесь, на берегах этого озера последние три года жил Иисус, здесь он встретил своих первых апостолов – «мужей галилейских». Отсюда он ушел в Иерусалим. В окрестностях сохранился поселок Мигдаль (в христианской традиции Магдала), где жила Мария Магдалина. Иисус ходил не только по берегам, но и по водам этого озера.

Озеро окаймлено зелеными горами, поросшими у подножья кустарником, возможно, ивами. Солнце уже миновало зенит и мягко играло на спокойных водах озера. Легкие волны набегали на песчаный берег и камни. Я опустила ладони в воду, умыла лицо. Берег был усыпан мелкими ракушками. Я подняла несколько.

Ракушки Генисарета
Может, их касалась
Его стопа?

Положила ракушки в карман. Потом показала Кате.

– Мам, сказали ничего брать нельзя с озера.

Я не знала.

– Ну, потом их где-нибудь оставлю, – у меня не было сил расстаться с ракушками немедленно. И уже, когда мы вернулись домой, и я стала разбирать

вещи, то обнаружила у себя в кармане куртки четыре ракушки с Галилейского моря. Господь дал мне возможность забыть про них, иначе пришлось бы где-нибудь оставить. Я бы побоялась провозить их через две таможни. Они пахнут удивительно – свежей известкой и водой. Одна створка раковины, та, которая побольше, очень красивая – выстлана изнутри перламутром. Это самая дорогая святыня, которую мне удалось привезти.

На берегу озера стоит небольшой храм из грубо обработанных крупных камней черного базальта в память о Петре. Внутри в алтарной части большой камень, символизирующий Петра. Недалеко от храма в саду скульптура: Христос передает ключи от рая Петру. Я не захотела смотреть эту скульптуру.

Мы были на самой северной оконечности Галилейского моря. Теперь обогнули его, повернули на юг и поехали вдоль моря в обратном направлении. С левой стороны поднимались небольшие зеленые горы – знаменитые Голанские высоты. Сейчас это нейтральная незаселенная земля между Сирией и Израилем. Горы выглядели мирно и живописно, ничего не напоминало о том, что в 1973 во время «войны судного дня» на Голанских высотах произошло одно из крупнейших и жесточайших танковых сражений двадцатого столетия. В нем участвовало свыше полутора тысяч танков с обеих сторон. Эпицентр боев был южнее, между Галилейским и Мертвым морями.

Пошел мелкий дождь. Море засеребрилось, подернулось туманной дымкой. Мы ехали на обед в кибуц Кинерет, и потом нам ждало самое волнующее событие – омовение в реке Иордан. Дина сказала нам, что в кибуце надо обязательно попробовать «рыбу святого Петра», а в магазине кибуца на берегу Иордана продается финиковый мед. Это тот мед, который ел в пустыне Иоанн Креститель. В Евангелии сказано, что Предтеча ходил «в одежде из верблюжьего волоса», питался акридами и медом. «Он ел не пчелиный мед, а финиковый», – пояснила Дина. И еще она попросила нас стянуть за обедом хлеб, чтобы покормить в Иордане сомиков и выдр.

– Хлеб оттуда выносить нельзя, – сказала она застенчиво, – но вы это не знаете, правда? И я вам ничего не говорила. Но моих сомиков надо покормить. Вы их увидите, на спинках у них написано: «Дина», – шутила она.

Наш обед в кафе кибуца можно было назвать трапезой, он проходил более торжественно, чем обычно: сидели за большими столами. Все было очень вкусно. Мы ели «рыбу святого Петра», выловленную в Галилейском море. Здесь до сих пор рыбачат. «Похожа на нашего карасика», – сказал один мужчина про эту рыбу.

Кибуц производил впечатление благополучного и богатого: добротные дома, детская площадка, цветущие розы, много высоких старых деревьев.

Кафе располагалось на берегу Галилейского озера. Когда мы вышли из кафе, море чудесно преобразилось. Оно синело, серебрилось, высоко над ним летали белые птицы, сияла радуга, солнечный свет, прорывающийся сквозь тучи, сталкивался с синевой. Возвышенный, незабываемый пейзаж! Будто милостью Божьей развернувшийся перед нами.

Следующая наша остановка была у реки Иордан. Иордан поистине все-ленская для Израиля река. Она впадает в Галилейское море, вытекает из него и через всю страну устремляется на юг к Мертвому морю. Я уже не говорю о вселенском значении ее для христиан. К этому месту реки Иордан для омовения стекаются люди со всего мира, всех рас и национальностей. Мы видели чернокожих паломников, японцев, корейцев, смуглых арабов, ну и «бледно-лицых».

У нас были заранее купленные длинные белые рубахи для омовений. Дина нас предупредила:

– Переодеваться только в специальной раздевалке за полтора доллара. Не пытайтесь обойти это правило. Дело может дойти до вызова полиции.

С Галиной из Перми мы спустились по лестнице в воду и, перекрестясь, трижды с головой окунулись в реку. Вода была очень холодная, и ощущения незабываемые: радость, подъем. После омовения не хотелось ничего ни говорить, ни обсуждать, хотелось просто держать внутри это особое невыразимое чувство живой причастности к евангельским событиям.

Я пошла искать Катю и нашла ее возле другой купальни, где подкармливали «Дининых» сомиков и выдр. Народ толпился на лестнице, куда из воды вылезла толстая выдра. Она прямо из рук брала передними лапками кусочки хлеба. Рядом плескался сомик, ничуть не смущаясь опасным соседством. Он тоже ел хлеб.

Вдруг над рекой раздалось громкое пение из усилителя. В Иордан под звуки музыки вереницей спускались люди в белых рубахах. Они махали руками, подпевали. Все походило на плохо организованное шоу. «Наши братья протестанты», – подумала я

В магазине рядом с купальней мы купили загадочный финиковый мед – силан. Особенно вкусным был силан с добавлением кунжута.

Нам нужно было идти к автобусу. Вечерело, холодало, людей становилось все меньше, и так хотелось просто постоять на берегу реки. Я опять вспомнила русские иконы Крещения: между коричневых скалистых берегов быстро струятся синие воды Иордана. Иисус смиренно стоит по колено в воде в белой набедренной повязке. Иоанн Креститель благословляет его. Но на самом деле вода в Иордане (там, где мы совершали омовение) удивительного изумрудно-зеленого цвета. Берега тоже зеленые, пластично изгибающиеся, тесно поросшие высокими ветлами и низкими пальмами. Вода спокойная, тихая, украшенная отражениями деревьев и трав. В ширину река не больше шести-семи метров. В ней таилось что-то чарующее, таинственно-сказочное, именно так я ее ощутила. Но река в районе Иудейской пустыни, где крестился Господь, судя по описаниям паломников, совсем другая.

Теперь наш путь лежал в Вифлеем. Израиль – маленькая страна (Кемеровская область – это пол Израиля). В длину с юга на север он тянется на 500 километров. В 8.15 мы выехали с Мертвого моря, в 15.10 уже достигли северной оконечности Галилейского озера. И затем повернули назад. Уже поздним вечером мы въехали в ночной Иерусалим. Вифлеем находится в семи километрах от Иерусалима и практически уже слился с ним. Поэтому мы

ехали в гостиницу через Иерусалим. Я во все глаза смотрела на ночной, сияющий огнями город. На холмах светились купола храмов, тянулись вверх колокольни и минареты, островерхие башенки базилик. Живописное смешение времен, стилей и конфессий. На улицах было безлюдно. Дина сказала, что в Иерусалиме не принято гулять по вечернему городу. Мы не успели насладиться видом ночного Иерусалима, автобус прибыл в Вифлеем.

Нас разместили в большой семиэтажной гостинице. За ужином в ресторане за отдельным длинным столом сидели поляки. Было очень много чернокожих паломников из Сенегала. Там большая христианская община. Государство Сенегала, как сказала нам Дина, выделяет по 500 долларов на человека для паломнических поездок.

В номере было холодно. После бессонной ночи в дороге и шквала впечатлений навалилась усталость. Но так жалко было засыпать. Я подошла к высокому во всю стену окну. На улице лил дождь. На растяжке под дождем нелепо болтались Санта Клаусы и олени. «Да, ведь всего месяц назад был Новый год», – вспомнила я. В вихре впечатлений просто выпала из времени. Смотрела на добротные с лоджиями и балкончиками каменные дома на склонах холмов, на невысокие глухие ограды из серой гальки, маленькие садики с оливами и пальмами у особняков. Они, жители этих домов, каждый день дышат вифлеемским воздухом.

На следующий день с утра, прежде чем повести нас в храм Рождества Христова, главную святыню Вифлеема, Дина доставила нас в магазин к радости тамошних продавцов. Я уже ничего против не имела, смирившись со спецификой международного туризма. Но торговля меня утомила. Я вышла на улицу. Через некоторое время к магазину подошли два палестинца в толстых длинных до колен пуховках и шерстяных шапках. Вот, избалованные теплом южане. Мы так одеваемся в мороз, а на улице накрапывал дождь. Палестинцы были обвешаны бусами, платками, «арафатками», сумками, несли с собой большие баулы. Торговля у них шла бойко. Они знали русский.

– Три платка – десять доллар.

Через некоторое время:

– Четыре платка – десять доллар.

Еще через некоторое время:

– Пять платка – десять доллар!

– Сумка – три доллар.

Далее:

– Два сумка – пять доллар!

И народ к ним потянулся. Накупили сумок, «арафаток», платков Себе не нужно, так в подарок кому-нибудь.

Нас уже не удивляло повальное знание русского языка. В Израиле 24% населения, то есть каждый четвертый, говорит по-русски.

Перед поездкой в храм Рождества Христова Дина предупредила нас, чтобы мы, если хотим подать записочки о здравии и упокоении, написали их заранее.

– Если хотите, то пожертвуйте деньги, но можно и без денег. Но записочки и деньги, – подчеркнула Дина, – надо отдавать православному священнику, а не палестинским. Одна девушка подошла ко мне чуть не со слезами, – рассказала Дина душераздирающую историю, – отдала деньги и записочки по неведению палестинскому священнику. Он деньги положил в кошелек, а записку сунул в карман, – Дина сокрушенно покачала головой.

Храмом Рождества Христова владеют три конфессии: католики, православные (греки) и христиане-палестинцы. И споры между ними доходили до драки. Теперь вопрос урегулирован, они служат по очереди.

У Дины была еще одна просьба. Паломникам хочется приложить к святым местам иконы, кресты, платки и другое для большего освящения. В храме Рождества Христова вещи прикладывают к Вифлеемской звезде, обозначающей место рождения Христа.

– Не надо выкладывать из сумок все вещи, – просила Дина, – просто поставьте их рядом, этого будет достаточно. Иначе вы будете сильно задерживать очередь, – ее просьба, как выяснилось позже, была актуальной.

Из магазина мы направились к храму. Вифлеем – полностью палестинский город он так же, как и другие города Израиля расположен на холмах и горах. Те же невысокие дома из крупных каменных блоков желтовато-бежевого цвета. Так же, как в Иерусалиме тянутся вверх колокольни и минареты, башенки и купола.

Улицы многолики: люди арабской, семитской, европейской внешности, чернокожие и светлые. Девушки в хиджабах и без. Я с обостренным интересом воспринимала такое этнокультурное разнообразие. Оказалось, мне очень нравятся разнокультурные и пестрые израильские города. Мой друг из Германии Михаэль как-то признался мне, что завидовал в детстве мусульманским семьям, потому что у них был свой особенный, отличный от всех уклад жизни, своеобразная культура. И теперь я его очень хорошо понимала.

Храм Рождества Христова построен в 6 веке, это один из древнейших христианских храмов, сохранившийся с византийских времен. Видимо, он был построен на месте еще более древнего храма, потому что при раскопках обнаружили мозаику времен императора Константина (4 век). Высокий византийский арочный портал заложен, оставлен маленький низкий вход, так, чтобы каждый входящий поклонился. А раньше в храм заезжали на лошадях и верблюдах.

Справа от иконостаса был вход в пещеру Рождества Христова. Серебряной звездой на мраморной плите отмечено место рождения Христа. Рядом ясли, которые теперь сделаны из мрамора. К Вифлеемской звезде прикладывались и прикладывали вещи для освящения. В этот момент просьба Дины не выкладывать вещи из сумок для освящения стала очень актуально. Потому что доставали иконы, кресты, свечи. Одна девочка передо мной достала большую папку для бумаги, возможно, с рисунками и приложила ее к звезде. Священник, который стоял перед звездой, раздавал всем бумажные иконки Вифлеемского Рождества а другой, без облачения, нетерпеливо приговаривал по-русски: «Давай-давай», подгоняя уж слишком замешкавшихся.

Как жаль, что весь этот мрамор и серебро скрывают подлинные закопченные своды и камни пещеры.

Меня поразила какая-то удивительно простая и домашняя атмосфера в храме. В этот день можно было ходить по солее, прикладываться к висящим на иконостасе иконам. Была приставлена лестница, служители подливали масла в лампы, чистили подсвечники. Везде можно все фотографировать, включая и пещеру Рождества. Вообще запрет фотографировать святыни касался только кувуклии в храме Гроба Господня. Все остальное везде можно беспрепятственно снимать на фото и видео.

В храме Рождества Христова многое связано с Россией. Четыре иконы в дорогих окладах их нижнего ряда иконостаса – подарок из России. Два больших паникадила с подвесками в виде царских венцов – коронационный подарок последнего русского императора Николая второго и его супруги Александры Федоровны. И самая почитаемая икона в храме – Вифлеемская Богородица тоже имеет русские корни. Она стоит в киоте перед входом в пещеру Рождества Христова. Икона Вифлеемская Богородица продается во всех церковных магазинах Израиля, на улицах. Здесь она очень почитаема. Это единственная икона Богородицы, на которой она улыбается. Русской императрице Елизавете, «дщери Петровой», приснился сон, в котором ей улыбнулась Дева Мария. Она заказала художнику такую икону и подарила ее храму Рождества Христова в Вифлееме. Я не сторонница использования академического стиля для создания икон, я противница этого. У меня сложилось впечатление, что Елизавета неудачно выбрала художника. На иконе Богородица изображена со слащаво-кукольным лицом. Елизавета подарила ей свое коронационное платье, и Вифлеемская Богородица на иконе – в царских обносах (платье приложено к изображению).

Мы подошли к Дине. Рядом прохаживался священник и ожидающе поглядывал на нас. Дина очень громко, зная, что священник ничего не понимает по-русски, сказала:

– Это арабский священник. Ему не надо давать записочки. Совсем скоро придет греческий священник, ему отдадите.

Вскоре, действительно, пришел греческий священник, был он тучен и краснолиц. Дина споро решила с ним все наши дела: передала записочки и деньги, достала вифлеемские свечи для продажи. По тому, как свободно Дина управлялась за стойкой, общалась с батюшкой, видно было, что она здесь своя.

В храме Рождества Христова я себя поймала на том, что и мной тоже овладело суетное желание как можно больше «ухватить святости»: закупить свеч и икон, приложиться ко всем святыням покрепче, переосвятить и доосвятить на святых местах уже освещенные иконы и кресты. При этом в голове я просчитывала стоимость в долларах: много ли потрачу я на это денег. И тут я сказала себе: «Стоп. Никаких товарно-денежных отношений, никаких запасов святости «впрок». Дух Святой «везде сый и вся исполняй». Просто будь причастной, радуйся тому, что ты здесь находишься, и ничего не возжелай. Не дай суетному растащить эту радость». В автобусе я услышала случайный

разговор двух попутчиц. Они обменивались впечатлениями: «Как-то святости нету», – сказала одна из них. Ну, да, удовольствие, развлечения могут предоставить за деньги. А святость как за деньги получить или даже ощутить? Ее стяжают жесточайшими усилиями. Она, видимо, думала: приедет на Святую Землю – и довеском ей святость будет. А когда купишь свечей, масло, ладана, икон – это не святость, а та же торговля.

Позади нас в автобусе сидела пара. Она – приятная молодая женщина со стильными африканскими косичкам. Невольно приходилось слышать, как иногда прелестница, переругиваясь с мужем, вставляла матерные слова. После посещения каждого храма курила. Но, наверное, никто больше нее не купил «духовных принадлежностей»: пачки вифлеемских свечей, упаковки иерусалимских свечей, пакеты икон, литры иорданской воды. Когда Дина перед окончанием экскурсии подходила ко всем и спрашивала, есть ли вопросы, она задала очень специфический вопрос: «Что такое поцелуй Иуды?», видимо, думая, что в этом есть какой-то эротический смысл. Зря, конечно, я так злопыхаю. Думаю, что на Дину я произвела не менее нелепое впечатление. Когда она спросила, какой город является столицей Израиля, я ляпнула: «Бейрут». Услышать такое при ее антиарабских настроениях?! А желание молодой женщины приобщиться к святыням путем скупки свечей и икон, не будет тщетным. Она побывала на Святой Земле, значит, ее обязательно когда-нибудь окликнет Бог.

Обедали мы в алмазном центре Иерусалима. Там большое кафе. Но прежде нас повели в музей алмазом, а потом в магазин алмазов при центре (о нас очень хорошо думали). «Ну, опять эти коммерческие уловки», – досадовала я. Однако, в музее алмазов мы услышали много интересного. Оказывается алмазная промышленность Израиля вышла на первое место в мире. Израиль закупает 70% всех алмазов, он уже оттеснил Амстердам, который прежде был алмазной столицей мира. И теперь алмазная промышленность Израиля приносит самый высокий доход в бюджет страны. Нам показали необработанный алмаз – блеклый грязно-серый полупрозрачный камень. Увидели бы – отшвырнули как ни к чему не годный. Огранка камня составляет половину цены. Еще треть цены – сертификация камня, то есть подготовка сопроводительной бумаги своего рода паспорта камня, в котором содержится полная информация о нем: где он добыт, где обработан, какие у него есть изъяны – трещины и так далее. Неправильно обработанный камень – мертвый, он не играет, и исправить его еще дороже, чем обработать заново, так как камень сильно теряет в весе. Поэтому так важно искусство обработки алмазов. Израильские ученые разработали метод продолговатой огранки камня в виде прямоугольника с закругленными углами. Так никто не может обрабатывать алмазы. Итак, 50% за обработку камня, 30% за сертификацию. Вопрос: сколько же получает страна-поставщик алмазов (среди которых числится и Россия)? Вот, вам формула сырьевого придатка.

Кстати, обед в алмазном центре был самый невкусный, голубцы они готовить не умеют.

Автобус направился к Старому городу. В Старом городе живут и богатые, и бедные арабские семьи. Они стараются сохранить свою недвижимость. Потому что, те, кто живет в Иерусалиме, относятся к старым иерусалимским родам. У арабов, как сказала Дина такой принцип: один дом – одна семья. Они никогда не продают свою собственность на сторону.

Наше путешествие приближалось к своей кульминации. По тесным, вымощенным светлым камнем улочкам Старого города гид вела нас к храму Гроба Господня. Эту небольшую глухую площадь перед храмом я много раз видела по телевизору в дни Пасхальных торжеств. Вот, и колонна с черной трещиной, появившейся после нисхождения сюда Благодатного огня. Сразу перед входом как бы в маленьком притворе лежит большой плоский камень миропомазания, на котором Христа готовили к погребению. Прикладываемся к камню и проходим налево в основное пространство храма под высоким куполом. В центре храма – кувуклия – это небольшое крестообразное сооружение над Гробом Господним. Там произошло величайшее событие в истории человечества – воскресение Иисуса Христа. Перед входом в кувуклию горит свеча, зажженная от Благодатного огня. Люди становятся в очередь, чтобы опалить им свои иерусалимские свечи. Нам повезло, очередь в кувуклию небольшая. Мы стояли всего 30 минут. Дина сказала, что иногда людям приходится выстаивать по 7-9 часов, чтобы приложиться к Гробу Господню.

Напряжение нарастало. Дина давала нам последние наставления перед входом в кувуклию:

– Сначала в ящичке под стеклом вы увидите остатки камня, на котором сидел ангел, тот, который сказал пришедшим к Гробу женам-мироносицам: «Что вы ищете живого между мертвыми?» Потом дальше справа мраморная плита. Это и есть Гроб Господен, на котором загорается Благодатный огонь. Там, в кувуклии, лежат свечи, их можно взять».

Она правильно делала, что все так подробно нам объяснила. В кувуклию я вошла оглушенная, без мыслей, без памяти, с внутренним трепетом. Забыла взять свечу. А так хотела. Приложилась к Гробу. Кажется, тесная пещера была побелена известкой. Больше ничего не помню.

Потом мы вернулись к камню миропомазания, прошли мимо него и поднялись по крутой лестнице на Голгофу. И там, на стене нас встретил страшный образ – фреска, на которой изображена Богородица без лица. На самом деле Голгофа очень невысокая гора – да и не гора вовсе – пять метров высотой. Люди прикладывались к основанию Голгофского креста. Дина сказала нам очень горячо:

– Не прикладывайтесь к Голгофе, не надо – это смерть, страдания.

Я ее послушалась.

Таковыми же тесными улочками мы вышли к Стене плача. Стена плача – даже не остатки Второго Иерусалимского храма, построенного Иродом Великим 2000 лет назад, а остатки стены, укрепляющей Храмовую гору. И лишь нижним блокам 2000 лет. Но это все, что осталось у евреев от их святыни. Мужчины и женщины у Стены плача молятся отдельно. Мы с Катей засунули свои записочки в щели между блоками. Ведь Христос молился тому

Отцу Небесному, которому молились евреи и молимся мы. Мы знали о запрете фотографировать Стену, но, увидев, как молодая израильтянка сфотографировала у Стены свою маленькую дочь в коляске, решились нарушить этот запрет.

У нас осталось немного времени для прогулки по Старому городу. Я смотрела на горы Иерусалима. Неяркая зелень травянистых склонов, перемежающаяся с полосами белых и светло-бежевых камней, пропеченных солнцем, тянущиеся вверх редкие кипарисы, серебристые кусты олив. Почему меня так волнует этот пейзаж? Он воскрешает какие-то глубинные пласты памяти. Я поняла, на что он похож: долина озера Дарашколь на Алтае – одно из красивейших мест, которые мне удалось посмотреть за всю свою жизнь. Там я видела белые каменистые, перемежающиеся с зеленью склоны, стройные силуэты редких елей. И озеро с каменными мысами, из которого, как из чаши водопадом вытекает река. Мне пришла в голову мысль, что эта долина так поразило меня потому, что в ней заключалась архитипическая красота вечного Иерусалима, земного и небесного, его гор и холмов. Она явлена была в этом удивительном месте Алтая. Еще я вспомнила, что на родине моих родителей в Аиртаве, где я часто бывала в детстве, тоже проступала эта архитипическая красота: за лесом в отдалении синела высокая Малиновая сопка, теперь я знаю, что ее полукруглая спокойная форма «считана» с горы Фавор.

Среди самых знаменитых гор Иерусалима – Масличная гора. Мы видели ее издалека. На нем – старинное еврейское кладбище. Нет иудея, которых не хотел бы быть похороненным на Масличной горе. Это самое дорогое кладбище в мире. На наши расспросы о цене Дина ответила:

– Я не знаю, сколько стоит место на этом кладбище, но Иосиф Кобзон точно знает.

Далее мы отправились в Гефсиманский сад. Двухтысячелетние оливы, действительно, являют собой чудо. От их сморщенных бугристых стволов осталась, кажется, только кора, но они зеленеют, выпускают молодые ветки. Эти оливы видели Христа, и Христос сидел в их тени. В саду были установлены камеры, снимался фильм. Собственно Гефсиманский сад сейчас является садом Храма Всех Наций. Это католический храм, построенный на пожертвования многих государств. Внутри него на месте алтаря большой камень, на котором, по преданию Христос перед арестом молился о Чаше: «Да минует меня чаша сия». Поскольку Дина специализируется на православных паломниках, к католическим храмам она, как мне показалось, относилась холодно. Никогда там не задерживалась и ничего не рассказывала (за исключением храма Благовещения), порой даже не заходила с нами.

Последним храмом, который мы посетили в Иерусалиме, был православный храм Успения Богородицы. Крутые широкие ступени вели вниз, в небольшой храм. В центре его располагалась ниша, обозначающая место успения Девы Марии. Ее гробница не сохранилась.

Напоследок мы остановились у смотровой площадки, откуда открывается прекрасная панорама Иерусалима с видом на Храмовую гору и Золотую мечеть.

Экскурсия была организована прекрасно, Диночка работала с самоотдачей, сумев сделать ее максимально наполненной и эмоционально, и информативно.

– В связи с обстановкой в Египте, нас просили отправить вас пораньше, – сказала она, прощаясь с нами.

Шел дождь, то усиливаясь, то накрапывая. Мы вновь увидели Мертвое море. Его вода была теперь сурового свинцово-серого цвета. С гор полились водопады. В некоторых местах дорогу залило водой. Эту дорогу во время дождей нередко накрывают сели. Но Султанчик, наш живой общительный водитель, гнал «мерседес» со скоростью не менее 130 км в час. При этом он непрерывно болтал по телефону на еврейском и русском.

– Крутой израильский Шумахер! – сказала Катя с восхищением.

В Израиле тоже следили за событиями в арабском мире и не расслаблялись. По дороге домой мы видели три низко летящих над Иудейской пустыней военных самолета. Знатоки сказали, что это русские МИГи. Не знаю, закупают ли израильтяне наши самолеты, я в их марках не разбираюсь.

Быстро смеркалось. У южной оконечности Мертвого Моря нас накрыла тьма.

Это были два счастливейших дня в моей жизни.

Когда мы вернулись из Израиля, напряженность и в Египте и в отеле возросла. Наша знакомая Лиза из Тюмени сказала нам, что во время морской прогулки на яхте их уже сопровождал автоматчик. Сначала мы сдали путевки в Каир. Потом запретили все туры за пределы Шарм эль Шейха. Последнее, куда нам удалось съездить – это на мотосафари в окрестностях Шарма. Сначала руководство приняло решение переселить нас в отель «Раджана», подальше от резиденции Хосни Мубарака. Но третьего февраля, в связи с обострением ситуации в Египте и указаниями МИДа всем российским туристам предписывалось покинуть страну. Переселение отменили, туристов больше не принимали, и число их день ото дня стало стремительно редеть.

В последние два дня отменили все экскурсии вообще, не рекомендовали выезд в Старый город. Побывавшие там рассказывали нам, что в Шарм эль Шейхе тоже начались митинги.

Туристы разъезжались и настроение наше тоже «разъезжалось». Последние дни нам скрасила поездка в пустыню – мотосафари на квадрациклах. Такого пейзажа, как в Синайской пустыне, я никогда прежде не видела: ровные, как стол, долины – можно ехать на машинах без всяких дорог – разделенные вздымающимися каменными причудливыми горами с окатанными склонами. И пески, и горы коричневого цвета. По этим долинам мы и ехали на квадрациклах длинной колонной в полсотни машин. Перед стартом гиды закутали нас в «арафатки», как бедуинов, оставив открытыми только глаза. Мы надели яркие жилеты, темные очки и стали одной командой. Эти мелкие милые детали позволяли ощутить себя участником приключения.

В одной из долин у подножия горы было нечто вроде бедуинской чайханы под открытым небом: низкие столики стояли рядами вокруг небольшой круглой сцены. На земле лежали домотканые коврики из лоскутков. Неподалеку

от этой чайханы была настоящая стоянка бедуинов. Они катали нас на своих верблюдах. Сначала я думала, что это просто помойка, а это оказалось жилье бедуинов: низкое сооружение из жердей, покрытое сухими пальмовыми листьями, завешанное линиялыми тряпками и драным картоном. Вокруг куча мусор, куски порванного полиэтилена. Контраст между роскошными гостиницами и этим жалким сооружением меня поразил. Сами бедуины и их дети были одеты в относительно чистую одежду и держались естественно, с достоинством – не скажешь, что живут на помойке. Я потом вспомнила, что такие же сооружения мы видели и в Израиле, но я не поняла, что это жилье, просто не могла представить, что там можно жить. Дина сказала, что бедуины – это цыгане пустыни.

На вечернем шоу нам показали танец живота и танец с юбками. Девушка бедрами трясла хорошо, но танцевала довольно однообразно. Наши русские прелестницы танцуют этот танец и изобретательнее, и оригинальнее. А вот танец с юбками, который исполняют на Востоке мужчины, мне понравился: было что-то завораживающее в этом бесконечном кружении сначала с войлочными бубнами, потом с юбками. Мне сказали, что этот танец должен исполняться полчаса. Наверное, так оно и было. Думаю, что танец с юбками корнями уходит к суфийским традициям, к танцам «кружащихся дервишей». Устроители шоу пытались еще развлечь нас лазерным представлением, но с высокими технологиями в пустыне что-то не заладилось. У операторов мало что получалось, кроме горизонтальных и вертикальных параллелей зелененького цвета. После ужина по ночной пустыне с зажженными фарами мы отправились в обратный путь.

В последний перед отлетом день задул ветер, солнце заволокли тучи. Очертания ближних гор едва просматривалось через пылевую завесу. Море накатывало свинцовыми волнами. Отель пустел. Один за другим над нами пролетали самолеты, увозя туристов во все концы мира. Мы остались одни на нашей вилле. И нам сильно захотелось в Россию.

Хорошо возвращаться домой, когда этого очень хочется, и когда тебя с нетерпением ждут близкие.

*7 марта 2011
Кемерово*